

Для цитирования: Экономика региона. — 2015. — №3. — С. 123-133
doi 10.17059/2015-3-11
УДК 316.6:314.642

Б. Ю. Берзин ^{а)}, А. И. Кузьмин ^{б)}, О. А. Пышминцева ^{б)}

^{а)} Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Российская Федерация)

^{б)} Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Российская Федерация)

ТРАЕКТОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ¹

В статье рассматривается пространственная социально-демографическая изоляция как фактор существующей системы расселения в регионах России. Теоретически феномены одиночества и социальной изоляции имеют свои демографические, социально-экономические и психологические корни. Концептуально они выражены в теориях нуклеаризации семейной структуры общества и утраты семьей своих основных функций, депривации личности (родных и близких), в парадигме второго демографического перехода. Фактически тенденции к отказу от рождения детей, росту сожительства и разводов, преждевременной смертности мужчин как причины вдовства дополняются действием сопровождающих институциональных факторов упрочения основ сингулярного образа жизни, включая различные формы изоляции личности от социального окружения в условиях постиндустриального общества.

В качестве основных причин социально-демографической изоляции авторы рассматривают тенденцию увеличения численности частных домохозяйств, представленных одиночками людьми как пожилого, так и молодого возраста, а также распространенность института вдовства (воздействия рисков смертности на брак и семью), влияния потоков трудовой, академической, самосохранительной, потребительской миграции (возвратного и безвозвратного вида) на воспроизводство населения. Психологически демографическая изоляция тех или иных локальных общностей способствует возникновению чувства одиночества как регулятора интенсивности коммуникаций и взаимодействия между индивидами. В социально-экономическом аспекте изоляция локальных сообществ связана с действием фактора удаленности мест проживания семей от центров коммуникации и реальных рынков, формированием новых российских и глобальных логистических систем и депривацией традиционных источников доходов домохозяйств как специфических форм выживания на огромных просторах жизнедеятельности российского социума.

Ключевые слова: пространственная изоляция, одиночество, домохозяйства, мигранты, матери-одиночки, осужденные, депривация

Введение

Реальная социально-демографическая картина мира невозможна без выяснения роли и значения институтов, созданных обществом для регулирования процессов воспроизводства населения. Институты, регулирующие те или иные стороны жизнедеятельности общества, существовали и существуют на протяжении всей человеческой истории. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что «институализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий деятелями разного рода. Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [1, с. 27]. Широко из-

вестно утверждение К. Маркса, о том, что «институты есть социальные формы существования человека» [2, с. 263].

Институт в сфере демографического поведения людей является механизмом, удовлетворяющим основные потребности людей и воспроизводящим повторяющиеся типичные схемы, образцы действий по воспроизводству человека (населения в целом) как на индивидуальном уровне, так и на уровне различных социальных общностей. Эти схемы и модели поведения определяются официально закрепленными нормами (законами) и неформально существующими системами ценностей, норм, правил, образцов действий. Институты одиночества и семьи традиционно противостоят друг другу, но тесно связаны в социальных системах исторически и структурно. Разрушение

¹ © Берзин Б. Ю., Кузьмин А. И., Пышминцева О. А. Текст. 2015.

родовых структур и усиление позиций семьи, а затем исторически (нуклеаризация семейной структуры общества) неизбежно ведут к усилению полей существования и выживания одиноких субъектов и модернизации феномена одиночества в принципе на постиндустриальной основе. В теоретическом аспекте историческая трансформация типов семей находит обоснование в рамках следующих подходов:

1) широко распространенные функциональные концепции семьи (К. Дэвис, Т. Парсонс), интерпретирующие различные модификации процесса утраты семьей своих основных функций в обществе;

2) модернизационные теории (У. Ростоу, М. Леви, А. Инкелес и др.), которые А. Торнтон назвал «девелопментальной парадигмой»;

3) концепции второго демографического перехода (ванн де Каа, Р. Лестар).

Рассматривая данные подходы, Эндрю Шерлин считает концепцию второго демографического перехода наиболее убедительной для объяснения причин трансформации семьи как социального института и появления транснациональных ее моделей [3, с. 580-589, 599].

Если рассматривать опыт демографического развития зажиточных стран Западной Европы, то следует отметить, что одной из причин роста одиночества в странах Западной Европы и Британии является распространенная практика сожительства в молодых возрастах 20–24, 25–29 лет. Данная тенденция набрала силу с начала 80-х г. прошлого столетия и стала очевидной к миллениуму (2000–2004 гг.). Об этом свидетельствуют панельные исследования. Проявления сожительства в старших возрастных группах населения, например, у сорокалетних когорт, сократились очень заметно [4, с. 443-445]. Отметим, что процесс распада семейных союзов на отдельно проживающих матерей и отцов (других членов семьи и семейных групп) затрагивает не только регионы России, но даже многодетные коллективы населения Латинской Америки. Это проявляет себя каждый раз при проведении национальных цензов и регистрации различных типов домохозяйств в программах национальных переписей. Доля «локализаций» мужей достигает, правда, всего 3 %, а жен (матерей) — всего 4 % [5, с. 709, 712].

В современном понимании роли и значения институтов и социальных практик особо выделяется необходимость учета особенностей индивидуального поведения человека при анализе общественных процессов (концепция неоинституционализма). Следует подчеркнуть,

что институты (как формальные, так и неформальные) сами постоянно находятся в процессе воспроизводства своих функций, при этом они сохраняют свою индивидуальную форму и реализуют «свою уникальность как повторяющаяся и меняющаяся связь свойств, стадий и состояний» [6, с. 101].

Подчеркивая роль институтов в воспроизводстве типичных форм поведения индивидов, следует отметить, что формальные и неформальные институты не только обеспечивают условия человеческого общения между людьми, но могут иметь и противоположное предназначение — препятствовать этому общению, служить для социальной изоляции. Человек рассматривает свою жизнь, свое прошлое и будущее исходя из той позиции, где он находится, и переживает ее в зависимости от усвоенных им социальных стереотипов, ценностей и норм. Х. Ортега-и-Гассет писал: «Моя отделенность от других „я“ обусловлена, и тем, что у меня — свое тело, локализованное в пространстве, не позволяющее мне быть вездесущим... Я способен видеть и понимать мир только из своего „здесь“. Невозможно видеть мир „вообще“, не занимая определенного „здесь“ в этом мире, и мое видение всегда есть определенная „перспектива“, открывающаяся из данной, занимаемой мною точки» [7, с. 288, 289]. Эта «точка» иногда определяется не только и не столько желаниями человека, но и объективными обстоятельствами, сопровождающими его жизнь. И зачастую эти обстоятельства изолируют его от мира ему близких людей.

Изоляция (от франц. *isolation* — отделение, разобщение) — термин, обычно используемый в концепции микроэволюции для обозначения внутривидовых процессов, а также в географии (территориально-механическая изоляция), к которой относятся препятствия (горы, долины, реки, моря и т. п.) между разными частями населения или различными популяциями. Изоляция может привести к появлению новых свойств или характеристик [8, с. 93].

Понятие «изоляция» также широко используется и в психологии. Так, например, Р. Вейс, анализируя сущность одиночества, выделяет одиночество двух типов: эмоциональной и социальной изоляции. Эмоциональная изоляция характеризуется отсутствием тесной эмоциональной привязанности, а социальная — отсутствием привлекающих социальных связей [9, с. 18-19]. В свою очередь, Ирвин Ялом предлагает рассматривать три различных типа изоляции: межличностную, внутриличностную и экзистенциальную. Первая рас-

смачивается как изоляция от других индивидов, обычно переживается как одиночество и является предметом психопатологии. Внутриличностная изоляция, отделение человека каких-то частей самого себя — это, как подчеркивал И. Ялом, парадигма современной психологии. Экзистенциальная изоляция — это отделенность между индивидом и миром. Она может быть и при сохранении общения между людьми, и при полной внутренней интеграции личности [10, с. 398-400].

Отождествление изоляции с одиночеством не является общепринятой точкой зрения, хотя и достаточно объяснимо. Факт разрыва отношений между двумя индивидами может рассматриваться как их изоляция друг от друга. Употребление термина «пространственная изоляция» в социологии, экономике и психологии мы связываем, прежде всего, со стремлением подчеркнуть именно пространственный аспект разделения (обособления) индивидов, внешнюю форму возможностей (или их отсутствие) для общения. Пространственная изоляция носит «вынужденный» характер — это отстранение от межличностной интеракции, вызванное либо действиями одного из партнеров по общению, либо действиями внешних сил — от природных явлений до инициированных властью санкций.

В основу данной позиции легло утверждение Уильяма А. Садлера и Томаса Б. Джонсона о том, что «одиночество не может быть приравнено к физическому состоянию изолированности человека». В качестве аргументов приводятся факты, свидетельствующие о том, что изоляция является внешним, объективным, отчасти контролируемым и наблюдаемым состоянием, а одиночество — «это субъективное внутреннее переживание» [11, с. 24]. Опираясь на определенное противопоставление изоляции и одиночества, можно утверждать, что изоляция, а точнее пространственная изоляция, — это вызванная внешними объективными и внутренними субъективными факторами дистанция, расстояние между индивидами, находящимися (находившимися) во взаимодействии и взаимосвязи, которые вызывают (вызывали) эмоциональное удовлетворение.

Известно, что переживание одиночества характерно при разрыве (утере-депривации) определенных эмоциональных связей с близкими людьми (нарушение межличностного общения), с привычной социальной (культурной, конфессиональной, этнической и профессиональной) средой. Причин для этого в жизни каждого человека вполне достаточно,

но, тем не менее, мы попытались выделить несколько групп риска, назвав их институтами социально-демографической пространственной изоляции, которые по объективным характеристикам в большей степени могут способствовать возникновению пространственной обособленности субъектов как предпосылки возникновения чувства одиночества вплоть до экономических причин отчуждения.

Методы исследования

Тема одиноких домохозяйств чаще всего возникает в результате применения к фиксации семей техник переписи населения и других регистрационных систем, в том числе под влиянием попыток учета миграции рабочей силы из сел в города. В Китае, например, такой системой являются попытки учета низкоквалифицированных «хукоу» — мигрантов (выходцев из сельских районов — *hukou sistem*). В основе этой категории «отверженных» заложена своеобразная триада 3D-факторов — рисков (*dangerous*), грязи (*dirty*) и деменции — психических расстройств [12, р. 357-359].

Аналогичные тенденции влияния процессов брачности на рост абсолютного и относительного числа одиноких с 1996 г. по 2011 г. в молодых возрастах (25–34 лет) по переписи просматриваются по публикациям в Гонконге в связи с переходом от эндогамии к экзогамным бракам [13, с. 639-640, 641]. На распространение одиноких домохозяйств влияет не только разница в продолжительности жизни мужей и жен, но и экономические возможности выживания для обособленно проживающих членов семьи в принципе. Основная причина — накопление семейных капиталов одиночками в процессе нуклеаризации семей. Инновационной тенденцией является развитие системы социального маркетинга и аутсорсинга. Прежде всего, это касается организации питания для нуждающихся в этом членов домохозяйств и наличия в регионе соответствующих маркетинговых опций.

Конечно, аутсорсинг такого рода направлен на обслуживание детей, но может быть распространен и на других членов домохозяйств [14, с. 302]. Однако в России рост числа одиноких имеет свою специфику, связанную, прежде всего, с географическим положением страны, ее огромной территорией и пространственной разобщенностью местных сообществ, особенно на пространствах Сибири и Дальнего Востока.

Исходя из признания пространственной изоляции как внешнего, объективного фактора, способного вызвать переживание оди-

ночества, предлагается схема социально-демографического измерения и классификации институтов социальной (пространственной) изоляции. В нее включены социально-демографические признаки совместной и индивидуальной жизнедеятельности:

1. *Домохозяйства (тип):*

а) коллективные домохозяйства: стационарные учреждения социального обслуживания, больницы для лиц, страдающих хроническими заболеваниями, детские дома, школы-интернаты и т. д.;

б) домохозяйства, состоящие из 1 человека;

в) домохозяйства, состоящие из матери с детьми, и домохозяйства, состоящие из отца с детьми.

2. *Семья (семейное положение):*

а) холост (не замужем);

б) женат (замужем);

в) разведен;

г) вдовец (вдова).

3. *Мигранты (правовой статус):*

а) постоянные поселенцы;

б) зарегистрированные трудовые мигранты;

в) нелегальные мигранты;

г) ищущие убежища;

д) признанные беженцы;

е) беженцы де-факто.

Кроме того, особо выделяется группа «маятниковые мигранты».

4. *Осужденные (по формам и срокам лишения и ограничения свободы в связи с нарушением закона):*

а) осужденные первый раз, вторично, в третий и более раз;

б) по срокам исполнения наказания;

в) по состоянию на учете в инспекциях.

Попытаемся в соответствии с предложенной классификацией обозначить количество жителей и мигрантов в России, которые объективно оказываются в ситуации, которая может закончиться переживанием одиночества.

По первому критерию (домохозяйства) методом переписей (цензов) нами выявлено следующее.

В коллективных домохозяйствах (так они называются в статистике переписи) в Российской Федерации в 2002 г. проживало более 2,3 млн чел. (в 2010 г. — 1,8 млн чел.), в том числе в стационарных учреждениях социального обслуживания — 236 тыс. чел., в больницах для лиц, страдающих хроническими заболеваниями — 86 тыс. чел., в детских домах, домах ребенка, школах-интернатах для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей — 209 тыс. чел. Речь идет о лицах, ко-

торые либо лишены семьи, либо изолированы от нее на длительный срок¹.

Проведенные в Российской Федерации переписи населения (2002 и 2010 гг.) показали рост количества частных домохозяйств с одним проживающим человеком. Так, например, в 2002 г. их насчитывалось 11,7 млн, в 2010 г. домохозяйства с одиноко проживающими гражданами уже составили величину в 14,02 млн (25,7 % всех домохозяйств). Это 10 % населения страны, основная часть — 10,8 млн домохозяйств находится в городах. Кроме того, добавим к ним более 58 тыс. бездомных, проживающих в одиночестве. Наибольшее количество домохозяйств с одним человеком зафиксировано Чукотской АО (34,8 %). В два раза меньше таких домохозяйств в Северо-Кавказском федеральном округе (14,7 %). Среди субъектов РФ наименьшее число «одиноких» домохозяйств в Ингушетии (2,6 %), Чечне (7,8 %), Дагестане (8,6 %), Кабардино-Балкарии (14,2 %). За межпереписной период увеличилось количество домохозяйств с проживающими в них одним человеком в Уральском Федеральном округе (на 8,1 %) и в Свердловской области (на 8,8 %)².

Региональные различия в количестве «одиноких» домохозяйств практически не изучаются и не анализируются, хотя таковые весьма заметны. Причины, факторы различия требуют дальнейшего анализа. Вероятно, свою роль играют культурные, конфессиональные и этнические различия, особенности исторического развития регионов.

Заметный вклад в картину социальной дифференциации «домохозяйственных» сегментов одиночества вносит фактор урбанизации (рис. 1). Это проявилось в показателях доли «одиноких» домохозяйств в сельской местности, построенных в сравнении с городскими территориями федеральных округов (2010 г.).

На рисунке 2 отчетливо видно, что основная группа регионов сконцентрирована по доле одиноких частных домохозяйств в городской местности России в интервале 20–30 % от общего числа домохозяйств, и среднее значение составило 26,3 %. На селе разброс локализации

¹ Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации // Официальные статистические данные ФМС России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/> (дата обращения 20.03.2015).

² Население частных домохозяйств по возрастным группам по субъектам РФ // Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2015).

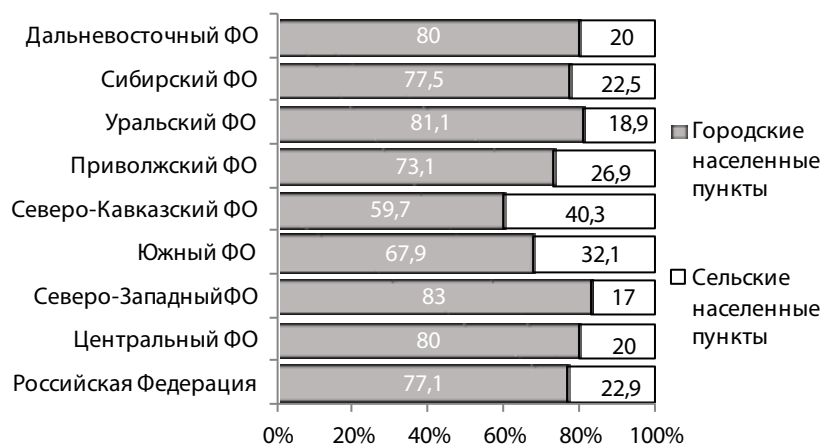

Рис. 1. Пропорции городского и сельского одиночества частных домохозяйств в федеральных округах РФ, % от общего числа «одиноких» домохозяйств (составлено по данным: *Население частных домохозяйств по возрастным группам по субъектам РФ // Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 6 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2015)*)

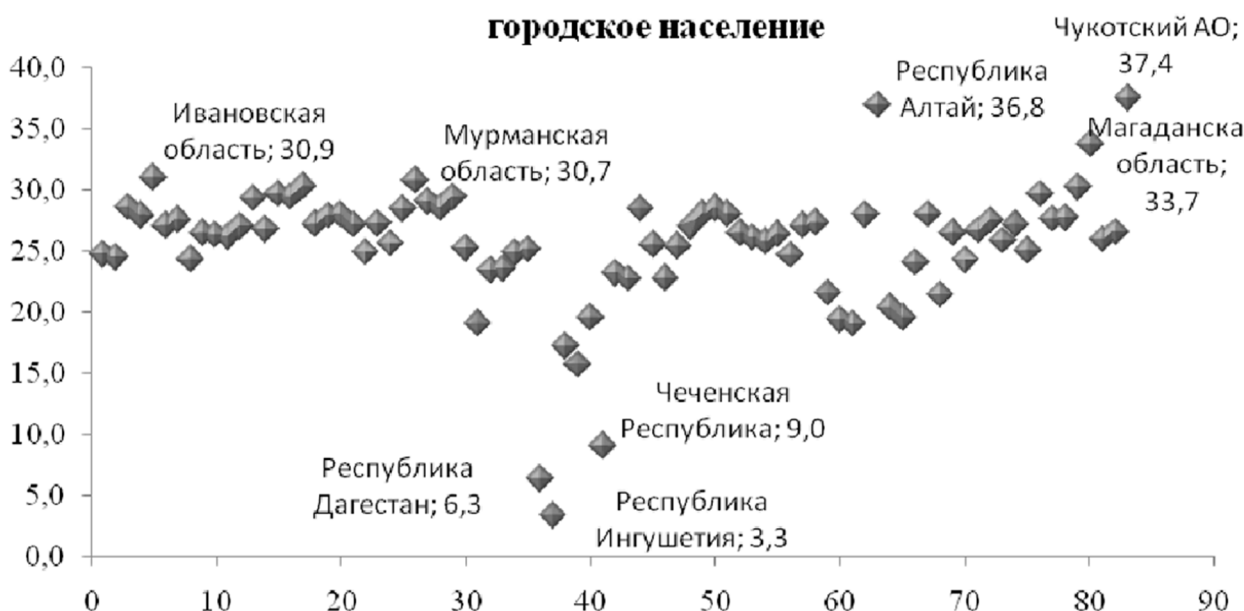

Рис. 2. Распределение субъектов РФ по доле одиноких частных домохозяйств (сост. по: *Частные домохозяйства по размеру домохозяйств по субъектам РФ // Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 6. Число и состав домохозяйств. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2015)*)

(дисперсия признака) больше и достигает 35 % (табл. 1). Это объясняется более «северным» типом расположения частных сельских домохозяйств. Однако общая картина сегодня диктуется городской системой расселения.

Интересно, что среднее значение доли домохозяйства с одним человеком в сельских поселениях на 1,3 % ниже, чем в городах. Однако 14 субъектов РФ имеют высокую долю сельского одинокого домохозяйства. В основном эта тенденция характерна для центрального экономического региона.

Причиной, скорее всего, стали внутренние миграционные оттоки экономически актив-

ного населения в столицу России, и в поселках остается пожилое население.

Наивысшее число домохозяйств с одним проживающим человеком в основном находится в городских зонах, что делает задачу социального маркетинга и благотворительности преимущественно индустриальной и массовой.

Анализ распределения частных домохозяйств по возрасту главы семьи показывает наличие на фоне доминирующего количества «пожилых» домохозяйств устойчивой группы домохозяйств, представленных молодыми людьми (табл. 2). То же самое можно сказать о статистике распределения домохозяйств по брачному состоянию.

Таблица 1

Анализ пространственного расселения домохозяйств, представленных одним человеком, %

Интервальные значения доли одинокого домохозяйства	Распределение субъектов РФ		Особенности	
	Городское население	Сельское население	Городское население	Сельское население
до 10 %	3	5	Национальные республики	Национальные республики
10–20 %	7	10		В основном северные и южные регионы
20–30 %	66	50	Среднее значение доли одинокого домохозяйства среди регионов, входящих в данную группу, составляет 26,3 %	Среднее значение одинокого домохозяйства среди регионов, входящих в данную группу, составляет 25 %
более 30 %	7	14	В данную группу входят 5 северных регионов	В данную группу входят 9 субъектов РФ из Центрального экономического района

Составлено авторами по данным: Частные домохозяйства по размеру домохозяйств по субъектам РФ // Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 6. Число и состав домохозяйств. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2015).

Таблица 2

Дифференциация доли «одиноких» домохозяйств по возрасту (лет), %

Возрастные группы одиноких домохозяйств	Центральный ФО	Северо-Западный ФО	Южный ФО	Северо-Кавказский ФО	Приволжский ФО	Уральский ФО	Сибирский ФО	Дальне-Восточный ФО
всего	11,1	11,9	8,5	4,0	10,0	10,3	9,6	10,8
0–14	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,1
15–17	3,9	3,8	3,5	0,7	4,8	3,3	4,1	4,4
18–24	8,2	9,1	5,9	2,0	7,5	7,4	8,4	9,2
25–34	6,8	7,2	4,3	2,2	5,1	6,2	5,7	7,5
35–44	8,0	8,6	5,2	2,9	6,0	6,8	6,3	8,6
45–54	9,9	11,4	7,6	4,5	8,8	9,9	9,4	11,8
55–64	15,0	17,3	12,8	8,7	15,0	16,4	15,5	17,5
65 и более	29,5	31,8	25,8	18,2	31,4	34,1	30,4	31,9
Возраст не указан	24,1	23,5	21,3	17,8	28,7	32,2	27,5	23,6

Составлено авторами по источнику: Население частных домохозяйств по возрастным группам по субъектам РФ // Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.01.2015)

Таким образом, напрашивается вывод о том, что социально-демографические факторы до сих пор достаточно ощутимо влияют на создание условий, способствующих возникновению чувства одиночества, особенно на обширных северных территориях России. Кроме того, в демографических особенностях ярко проявляется и роль образа жизни, культуры и религии, которые либо способствуют, либо препятствуют переживанию одиночества.

Анализ распределения «одиноких» домохозяйств в возрастном разрезе обнаружил высокую степень присутствия в них пожилых людей. Это стало заметно уже в разрезе федеральных округов РФ.

В качестве примера для анализа возьмем группы регионов с наименьшим и с наибольшим числом «одиноких» домохозяйств. Как гипотезу рассмотрим предположение о том, что основная часть домохозяйств с 1 человеком —

это лица старших возрастных групп (55 лет — 64 года и старше 65 лет).

Наименьшее количество домохозяйств с одним человеком было зафиксировано в Северо-Кавказском федеральном округе. В округ входит 7 субъектов: 6 национальных республик и Ставропольский край. Анализ статистических данных показал, что наша гипотеза полностью подтверждается только в одном субъекте — Ставрополье. Во всех национальных республиках (за исключением Ингушетии, где практически нет различий) выделяется лишь одна возрастная группа — старше 65 лет, где количество «одиноких» домохозяйств составляет в среднем 10–15 %. В Ставропольском крае таких групп две. В возрастной группе 55 лет — 64 года — 12 %, в группе старше 65 лет — 24,4 %.

В регионах, где выявлен достаточно высокий процент домохозяйств, представленных только одним человеком, заметно повышение удельного веса нескольких возрастных групп. Другой особенностью является отличие северо-восточных территорий РФ от центральных областей России. И на Чукотке, и в Магадане высок процент «одиноких» домохозяйств в разных возрастных группах. Так, например, в Чукотском автономном округе: в группе 18–24 года — 10,8 %, 24–34 года — 12,6 %, 35–44 года — 13,6 %, 45–54 года — 18,5 %, 55–64 года — 25,9 %, старше 65 лет — 43,7 %. В центральных областях заметен значительный удельный вес возрастных групп старше 55 лет (это характерно для всех регионов России, кроме Северного Кавказа). Так, например, в Ивановской области в группе 55–64 года лишь пятая часть домохозяйств представлена одним человеком, а в возрастах старше 65 лет — уже 38,5 %; соответственно, в Тверской соответственно — 18 % и 38,1 %; в Псковской — 19,5 и 37,9 %. Если свести статистику «одиночества» домохозяйств воедино по федеральным округам, то станет ясно, что сегментация предполагаемого социального маркетинга и даже благотворительности сильно дифференцирована по территории страны в силу объективных обстоятельств и демографического поведения населения.

Помимо одиноко проживающих людей, о которых можно сказать, что жизненные обстоятельства их затрудняют, создают дефицит межличностного общения, другую группу домохозяйств составляют матери-одиночки, проживающие с детьми (9,8 млн домохозяйств), а также отцы, воспитывающие самостоятельно своих детей в возрасте до 18 лет (1,3 млн домохозяйств).

Анализ семейного статуса показал, что разведенных и разошедшихся мужчин в стране насчитывается (перепись 2010 г.) более 4 млн, женщин — 5,4 млн. Утратили супруга (супругу) около 2 млн мужчин (1,97 млн вдовцов) и почти 12 млн женщин (11,8 млн вдов).

Миграционный фактор дополняет картину социально-экономической дифференциации населения в России. Большую группу людей, находящихся в пространственной изоляции от привычной культурной и этноконфессиональной среды, составляют мигранты. В 2014 г. на территорию России въехало более 17 млн чел. (по сравнению с 2012 г. прирост 9 % — расчет авторов). Из них 435,8 тыс. чел. получили разрешение на временное пребывание (без учета жителей Донецкой и Луганской областей и других регионов Украины). 157 тыс. чел. получили гражданство.

Основная причина приезда (на 4 марта 2015 г.) [11]:

- работа по контракту — 34,1 %;
- личные дела, частная жизнь — 42,0 %;
- туризм — 10,5 %.

Из 11 млн приезжих пребывают на территории России: более года — 34,2 %, 6–12 месяцев — 28,3 %, 3–5 мес. — 14 %. Все они находятся в определенных дискомфортных условиях, многие проходят период адаптации к непривычному климату (в нашей стране пребывают представители более двухсот государств и территорий мира).

Следует отметить, что значительная часть мигрантов (за исключением маятниковых) изолированы от своей культуры, привычного образа жизни и могут испытывать негативные чувства (от одиночества до приступов агрессии).

Особый предмет исследования социальной изоляции — так называемые маятниковые мигранты, число которых в стране значительно превышает армию иностранной рабочей силы и составляет 23 млн чел., находящихся в постоянном потоке кратковременной возвратной миграции с постоянным пересечением границ административно-территориальных образований РФ в интервале от одного дня до недельного срока. В отличие от долгосрочной и ситуативной изоляции, это отъединение кратковременное, но и оно имеет свои негативные последствия.

По нашим данным, мотивация маятниковых мигрантов связана в межрегиональном потоке с отсутствием средств занятости и потребностью в работе и доходе (треть опрошенных), тогда как в миграциях мегаполисного ха-

Причины регулярных поездок молодежи из малых городов в другие населенные пункты Екатеринбургского мегаполиса, % к итогу

Причина маятниковой миграции молодежи	мужчины	женщины	оба пола
Отсутствие рабочих мест в городе (поселке)	22,9	23,9	23,5
Отсутствие определенного качества товаров и услуг	11,7	12,4	12,1
Получение образования	21,4	24,2	23,0
Отсутствие определенного уровня заработной платы	18,5	18,1	18,2
Недостаток развлекательных учреждений	17,0	15,1	15,9
Отсутствие спортивных секций	4,4	3,8	4,0
Другое	0,0	0,6	0,4
Затрудняюсь ответить	4,1	1,9	2,9
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0

рактера на первый план выходит потребность в качественных товарах и услугах (49 %), развлечениях, досуге, а затем лишь действует фактор ожидаемого дохода и заработка (табл. 3). В первую очередь, данные проблемы касаются образа жизни молодежи, проживающей в пригородной зоне сверхкрупных городов (опрос проходил летом 2014 г.).

Видно, что для молодежи важнее наличие рабочих мест в городе и возможности продолжить образование. Отсутствие развлечений и заработок — на третьих и четвертых местах. Удивительно, что гендерных различий в данном случае не было выявлено.

Последняя группа риска, которая была исследована — это лица, находящиеся в местах заключения и на специальном учете. По данным Федеральной службы исполнения наказаний¹, 673,8 тыс. чел. в марте 2015 г. содержалось в исправительных колониях, следственных изоляторах и других учреждениях, из них 245,5 тыс. были осуждены в первый раз.

Надо подчеркнуть, что сроки изоляции осужденных весьма различны. Наиболее многочисленны группы лиц, получивших за содеянное от 5 до 10 лет — 37,6 %, затем осужденные на 3–5 лет — 22,5 %, на 10 и более лет — 17 %. Данные группы людей, находящихся в изоляции длительное время, требуют особой системы ресоциализации. В этот период происходят негативные явления в психике личности, разрыв и утрата социальных связей, отставание от тех жизненных процессов, в которые включена личность в обычной повседневной деятельности. Меняется социальный статус личности, снижаются его общественная активность и его возможности, деформируются привычные социальные роли.

¹ Статистические данные Федеральной службы исполнения наказаний России [Электронный ресурс]. URL: <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения 20.03.2015).

Результаты и дискуссия

Один из ведущих специалистов в области пенитенциарной психологии В.Ф. Пирожков считает, что изоляция приводит к ограничению прав личности, формирует новые нормы и ценности поведения, накладывает стигматизирующий отпечаток на поведение личности, вызывает ощущение социальной неполноценности. Кроме того, возникают новые интересы, социальные установки, формируются традиции, ценности и нормы поведения [15, с. 361–362]. Все это потом требует разрушения, а затем формирования новой системы норм и ценностей. Ресоциализация нужна не только бывшим осужденным, но и бездомным, лицам, потерявшим близких и родных, матерям-одиночкам (отцам, воспитывающим детей) и т. д. Особое значение приобретает работа с различными категориями мигрантов. Это, на наш взгляд, требует реформирования существующей в России системы социальной работы, усиления в ней психолого-педагогической направленности.

Общие проблемы данной части населения страны должны решаться на уровне федеральной программы с учетом экономических и социальных факторов. Региональная специфика, ярко выделяющаяся по данным всероссийских переписей, должна учитываться в региональных целевых программах. Причем комплекс маркетинговых мероприятий должен не только сводиться к работе с престарелыми и пожилыми гражданами, проживающими вне семьи, но и быть направлен на другие возрастные категории. Субъекты Российской Федерации также могли бы внести свой вклад в формирование правовой основы для работы с одинокими людьми.

Свою роль должны сыграть и муниципальные образования: помимо разработки местных программ, именно на этом уровне возможно широкое привлечение некоммерче-

ских благотворительных организаций в целях оказания социальной поддержки и психологической помощи одиноким гражданам. Кроме того, муниципалитеты имеют возможность вовлечь малый и средний бизнес в создание целостной системы оказания коммерческих услуг этой категории людей, с учетом дифференциации их доходов, социального расслоения современного российского общества, тенденций накопления и расходования человеческого капитала в молодом и зрелом возрасте.

В целях нивелирования фактора социальной дифференциации населения государством усиливается роль социального маркетинга или «маркетинга как практики социального обмена» [16, с. 96]. Принципы социального маркетинга заключаются в поиске маркетинговых возможностей решения острой социальной проблемы. В связи с этим применяется социально-демографическая диагностика одиноких домохозяйств как сектора экономики и объекта социальной помощи. Выявляются ресурсы, акторы и субъекты, поддерживающие и воспроизводящие основы жизнедеятельности этого носителя сингулярного образа жизни в социуме. Определяются субъекты, курирующие на территории расположения одиноких домохозяйств процессы удовлетворения потребностей в товарах и услугах, формирующих основу качества жизни. Рассматриваются компоненты информационной культуры, обеспечивающие обратную связь.

В повестке дня должен стоять и вопрос о создании института социальной и психологической помощи одиноким людям с учетом особенностей среды их обитания. Только комплексный подход может позволить сформировать комфортные условия проживания и уменьшить риски переживания состояния психологического одиночества.

В целом, социально-маркетинговый аспект проблемы объясняется, на наш взгляд, следующими причинами:

1. В экономико-демографическом ключе становится важным отношение к сингулярному образу жизни различных слоев и сословий российского общества, так как одиночество не только поражает стареющие сообщества и классы, но и характерно для молодежных субкультур.

2. Есть и еще один немаловажный фактор. Он связан с тем, что одинокий образ жизни в зрелом и молодом возрасте поощряется всей структурой индивидуального жизнеобеспечения, тем более рыночного типа. Одиночество более выгодно личности, чем семейный образ

жизни в социально-экономическом и психологическом ключе.

3. Маркетинговые технологии по изучению рынка социальных услуг позволяют создать информационно-аналитическую базу по подготовке концептуальных стратегических решений и разработке целевых и комплексных программ, отражающих протекающие в обществе и его субкультурах разнообразные социальные процессы.

4. Институты социальной изоляции, в том числе «одинокие» домохозяйства и социальные группы с ограниченными возможностями, из беспомощных объектов вспомоществования и социальной благотворительности в недалеком будущем могут превратиться в устойчивых конкурентов жизнедеятельности для семейных частных домохозяйств. В свою очередь, семейные коллективы уступают сегодня «индивидуалам» в выполнении социальных ролей, в среднедушевом доходе и оплате труда, в возможностях активного проведения свободного времени, в когнитивных и интеллектуальных способностях. В постиндустриальном городе и даже «в деревне» сегодня возникает целая индустрия суррогатов, замещающих человеку живое общение и торжествует массовая культура удовлетворения привычки «жить одному» и «ради себя», что поддерживается целями самосохранительного характера и эгоизма, присущего эгоцентрическому стилю существования в постиндустриальную эпоху.

Опираясь на демографический прогноз Росстата и тенденцию увеличения пожилых, престарелых и ряда молодежных групп в будущем, можно предположить динамичный рост одиноких домохозяйств в перспективе до 2030–2050 гг. Для этого используем высокий вариант прогноза населения и роста групп старше трудоспособного возраста в стране. В условиях растущей доли коллективных и бездомных домохозяйств, а также общего прироста населения России за счет Республики Крым и города федерального значения Севастополя ожидаемая численность одиноких домохозяйств по максимальному варианту составит в 2016 г. 14418 тыс. чел. К 2020 г. рост одиноких частных домохозяйств достигнет 14607 тыс. домохозяйственных единиц, а к 2025 г. число одиноких домохозяйств достигнет 14787 тыс. ячеек. К рубежу далекого 2030 г. абсолютный рост одиноких домохозяйств, достигнув 15 млн домохозяйственных ячеек, исчерпает потенциал своего дальнейшего увеличения в силу нарастающей тенденции сокращения численности россиян в целом. В этих условиях про-

цесс сингуляризации жизнедеятельности населения пойдет скорее не «вширь», а «вглубь». Таким образом, к 2040 г. в стране сформируется внушительный по размерам модернизированный кластер одиноких частных домохозяйств, дополненный влиянием элементов

различных модификаций социально-демографической изоляции и индивидуальной миграции как проявлений особого качества жизни населения наряду с тенденцией формирования в России целой сети развитых мегаполисов.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке Гранта РФФИ 13-06-00008а «Формирование и повышение качества жизни как приоритетное направление социально-экономического развития регионов России».

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995.
2. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. — М.: Политиздат, 1955.
3. Cherlin A. J. Good's World Revolution and Family Patterns: A Reconsideration at Fifty Years. *Population and development Review*, Volume 38, Number 4, September 2012. p. 577-607.
4. Ma'ire Ni' Bhrolcha'in, 'Eva Beaujouan. Education and Cohabitation in Britain: A Return to Traditional Patterns? *Population and development Review*, Volume 39, Number 3, September 2013. p. 441-459.
5. Albert Estive, Joan Garsi'a-Roma'n, Ron Lesthaeghe. The Famile Context of Cohabitation in Lain America. *Population and development Review*, Volume 38, Number 4, December 2012. p. 707-727.
6. Кемеров В. Е. Воспроизводство // Современный философский словарь / Под общей ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова, д-ра филос. наук, проф. Т. Х. Керимова; 4-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проспект, 2015.
7. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. — М.: Радуга, 1991.
8. Гентнер В. Г., Тимофеев-Ресовский Н. В. Изоляция // Большая Советская Эн циклопедия; 3-е изд. Т. 10. — М.: Советская энциклопедия, 1972.
9. Weiss R. S. (Ed.) Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation. Cambridge: MIT Press. 1973.
10. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Драпкиной Т. С. — М.: Независимая фирма «Класс», 2005.
11. Садлер У. Л., Джонсон Т. Б. От одиночества к аномии // Лабиринты одиночества. — М.: Прогресс, 1989.
12. Kam Wing Chan. The Household Registraition System and Migrant Labor in China: Notes on a Debater. *Population and development Review*, Volume 36, Number 2, December 2010. p. 357-364.
13. Suet-ling Pong, David Post, Dongshu Ou, Maggie S. Y. Fok Blurring Boundaries? Immigration and Exogamous Marriages in Hong Kong. *Population and development Review*, Volume 40, Number 4, December 2014. p. 629-652.
14. Liat Raz-Yurovich A Transaction Cost Approach to Outsourcing by Households. *Population and development Review*, Volume 40, Number 2, June 2014, p.293-307.
15. Пирожков В. Ф. Криминальная психология — М.: Ось-89, 2012.
16. Банникова Л. Н. Маркетинг как социальный процесс. Социологические аспекты анализа. — Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007.

Информация об авторах

Берзин Борис Юрьевич — доктор философских наук, профессор кафедры теории и социологии управления, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66; e-mail: berzinb@yandex.ru).

Кузьмин Александр Иванович — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kuz53@list.ru).

Пышминцева Ольга Александровна — ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: opyshmintseva@mail.ru).

For citation: *Ekonomika regiona (Economy of Region)*. — 2015. — № 3. — p. 123-133

B. Yu. Berzin, A. I. Kuzmin, O. A. Pyshmintseva

The Reproduction Trajectories of Institutions of Social Isolation of Individual Population Groups in the Regions of Russia

The article deals with the spatial socio-demographic isolation as a factor of the current system of settlement in Russia's regions. In theory, the phenomena of loneliness and social isolation have their demographic, socio-economic and psychological roots. Conceptually, they are expressed in the theories of nuclearization of family structure of society and the family's loss of its core functions, deprivation of a person (of friends and relatives), in the paradigm of the second demographic transition. In fact, the trend towards the abandonment

of birth, growth of cohabitations and divorces, premature mortality as the cause of widowhood are complemented by the institutional factors strengthening the foundations of a singular way of life, including various forms of isolation of an individual from the social environment in a post-industrial society.

The main reasons of the socio-demographic isolation are following: the tendency of increasing a number of private households represented by lonely people, both elderly and young; as well as the prevalence of the institute of widowhood (mortality risks influencing the marriage and the family); the impact of flows of labour, academic, self-preservation, consumer migration (both returned and irretrievable types) on the reproduction of the population. Psychologically, the demographic isolation of certain local communities contributes to the feelings of loneliness as a regulator of the communication intensity and interaction between individuals. In the socio-economic aspects, the isolation of local communities is associated with the factor of remote location of families from the centers of communication and real markets, with the development of new Russian and global logistics systems, with are deprivation of traditional sources of household income as a specific form of survival in the vast expanses of life of the Russian society.

Keywords: spatial isolation, loneliness, households, migrants, single mothers, prisoners, deprivation

Acknowledgment

The article has been prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research Grant 13-06-00008a «Formation and development of the quality of life as a priority for socio-economic development of regions of Russia»

References

- Berger, P. & Lukman, T. (1995). *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya [The social construction of reality. Treatise on co-sociology of knowledge]*. Moscow: Medium Publ.
- Marx, K. (1955). *K kritike gegelevskoy filosofii prava [A Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right]*. Marx K., Engels F. Soch. Izd. 2-e. T. 9 [Works, publ. in 2 vol. Vol. 9]. Moscow: Politizdat Publ.
- Cherlin, A. J. (2012, September). Good's World Revolution and Family Patterns: A Reconsideration at Fifty Years. *Population and Development Review*, 38(4), 577-607.
- Bhrolchain, M. N. & Beaujouan, E. (2013, September). Education and Cohabitation in Britain: A Return to Traditional Patterns? *Population and Development Review*, 39(3), 441-459.
- Estive, A., Garsia-Roman, J. & Lesthaeghe, R. (2012, December). The Famile Context of Cohabitation in Lain America. *Population and Development Review*, 38(4), 707-727.
- Kemerov, V. E. (2015). Vosproizvodstvo [The reproduction]. *Sovremennyy filosofskiy slovar [Modern philosophical dictionary]*. In: Docotor of Philosophy, V. E. Kemerov (Ed.), 4th revised and enlarged edition. Moscow: Akademicheskii Prospekt Publ.
- Ortega-i-Gasset, X. (1991). *Degumanizatsiya iskusstva [Dehumanization of art]*. Moscow: Raduga Publ.
- Gentner, V. G. & Timofeev-Resovskiy, N. V. (1972). Izolyatsiya [Isolation]. *Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya; 3-e izd. T. 10. [The great soviet encyclopedia; 3rd ed., vol. 10]*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
- Weiss, R. S. (Ed.). (1973). *Loneliness: The Experience of Emotional and Social Isolation*. Cambridge: MIT Press.
- Yalom, I. *Ekzistentsialnaya psikhoterapiya [Existential psychotherapy]*. Per. s angl. Drapkinoy T. [Translated from English by Drapkina T. S.]. Moscow: Nezavisimaya firma «Klass» Publ.
- Sadler, U. L. & Dzhonson, T. B. (1989). Ot odinochestva k anomii [Johnson from loneliness to anomie]. *Labirinty odinochestva [Loneliness labyrinths]*. Moscow: Progress Publ.
- Chan, K. W. (2010, December). The Household Registraition System and Migrant Labor in China: Notes on a Debatep. *Population and Development Review*, 36(2), 357-364.
- Pong, S-l., Post, D., Ou, D. & Fok, M. S. Y. (2014, December). Blurring Boundaries? Immigration and Exogamous Marriages in Hong Kong. *Population and Development Review*, 40(4), 629-652.
- Liat Raz-Yurovich (2014, June). A Transaction Cost Approach to Outsourcing by Households. *Population and Development Review*, 40(2), 293-307.
- Pirozhkov, V. F. (2012). *Kriminalnaya psikhologiya [Criminal psychology]*. Moscow: Os Publ., 89.
- Bannikova, L. N. (2007). *Marketing kak sotsialnyy protsess. Sotsiologicheskie aspekty analiza [Marketing as a social process: the sociological aspects of the analysis. Scientific publication]*. Ekaterinburg: UGTU-UPI Publ.

Authors

Berzin Boris Yuryevich — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and Sociology of Management, Ural Institute of Management — the Branch of the Russian Academy of National Economy and the Public Administration under the President of the Russian Federation (66, 8 Marta St., Ekaterinburg, 620990, Russian Federation; e-mail: berzinb@yandex.ru).

Kuzmin Aleksandr Ivanovich — Doctor of Social Sciences, Professor, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Kuz53@list.ru).

Pyshmintseva Olga Aleksandrovna — Leading Economist, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: opyshmintseva@mail.ru).